

41. Миненко Н. А. Указ. соч. С. 242; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, 1982. С. 308.
42. ПСЗ-I. Т. 38. № 29126. п. 13.
43. Конев А. Ю. Коренные народы Северо-Западной Сибири в административной системе Российской Империи (XVIII - начало XX вв.) М.: Б. и., 1995. С. 94.
44. ГАОО. Ф. 3. Оп. 1. Д. 967. Л. 59.
45. ТФ ГАТюмО. Ф. 154. Оп. 8. Д. 289. Л. 230 — 246.
46. Томилов Н. А. Тюркоязычное население западно-сибирской равнины в конце XVI — первой четверти XIX в. Томск: Изд-во ТГУ, 1980. С. 80.
47. О различных интерпретациях понятия русификации см.: Миллер А. И. Русификация: классифицировать и понять // *Ab Imperio*. Казань, 2002. № 2; Суни Р. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // *Ab Imperio*. Имперские мифологии. Казань, 2001. № 1-2.

*Александр Сергеевич СИНКЕВИЧ —
аспирант кафедры отечественной истории*

УДК 94(47).03

К ВОПРОСУ О ВЗАИМООТНОШЕНИЯХ МОСКОВСКИХ КНЯЗЕЙ С НОВГОРОДОМ В НАЧАЛЕ 40-х годов XIV ВЕКА

АННОТАЦИЯ. В статье рассмотрены взаимоотношения великих князей московских с Новгородской республикой начала 40-х годов XIV века.

The author investigates the relation of great Moscow princes with Novgorod republic in the early 1340 s.

Московско-новгородские отношения начала 40-х годов XIV в. неоднократно привлекали внимание как дореволюционных, так и советских исследователей. События этих лет нашли отражение практически во всех обобщающих трудах по истории России (В. Н. Татищев, Н. М. Карамзин, С. М. Соловьев, В. О. Ключевский); общих исследованиях, посвященных проблеме образования единого Российского государства (А. Е. Пресняков, В. В. Мавродин, Л. В. Черепнин, А. М. Сахаров, Я. С. Лурье); а также в исследованиях по отдельным направлениям политической истории Московского княжества, Северо-Восточной Руси в целом, соседних земель и государств, международных отношений, истории церкви и общественной мысли. Тем не менее, в трудах вышеназванных авторов все сводилось к упрощенной схеме, согласно которой великокняжеская власть (вне зависимости от того, в руках какой княжеской династии находился ярлык на Владимир) на протяжении XIV-XV вв. стремилась подчинить себе Новгород.

При этом как-то забывается, что предпосылки для окончательного присоединения Новгорода к Москве и ликвидации его вечевых порядков сложились только к концу XV в. при Иване III. Таким образом, до сегодняшнего дня не существует исчерпывающего ответа на вопрос об эволюции взаимоотношений великокняжеской власти с Новгородом в различные периоды формирования Русского централизованного государства. На страницах этой статьи мы попытаемся определить те мотивы, которыми руководствовались ближайшие преемники Ивана Калиты на Владимирском великокняжеском столе в своей новгородской политике, а также специфику московско-новгородских взаимоотношений в указанный период.

Московское княжество, как известно, к началу 40-х годов XIV в. занимало первенствующие позиции в Северо-Восточной Руси. Иван Калита был первым московским князем, который до конца своих дней сохранил за собой ярлык на Владимир [1]. Тем не менее, это отнюдь не означало, что правители других

крупнейших политических центров Северо-Восточной Руси отказались от своих притязаний на великокняжеский стол. Помимо князей из тверского дома, в числе претендентов на Владимир оказалась суздальская династия, представители которой с 1340 г. выдвигали уже юридически обоснованные претензии к Москве [2]. Следовательно, смерть Ивана Даниловича в 1340 г. не могла не повлиять на политическую обстановку в Северо-Восточной Руси [3]. Кроме того, Иван Калита оставил своим сыновьям в наследство и расстроенные отношения с Великим Новгородом, в то время как суздальские князья набирали силу.

За время пребывания Ивана Даниловича во Владимире отношения с Новгородом носили противоречивый характер и были лишены стабильности. Сейчас нет смысла перечислять все конфликты великого князя с Новгородом, а обратим внимание лишь на последний, который произошел в 1339 г., перед смертью Ивана Даниловича. Комиссионный список Новгородской первой летописи младшего извода описывает его следующим образом: «Ко князю же Ивану послаша (новгородцы — А. С.) Селивестра Волошевича и Федора Оврамова с выходом. Князь же присла послы свои, прося другого выхода: «а еще дайте ми запросъ цесаревъ; чого у мене цесарь запрошалъ»; и они ркоша: «того у насъ не бывало от начала миру, а ты целовалъ крестъ к Новугороду по старои пошлине новгородчкои и по Ярославимъ грамотамъ» [4]. Реакция Ивана Калиты на поведение новгородцев была незамедлительной: «Тои же зиме выведе князь великый Иванъ Данилович наместники свои из Новагорода, и не бе ему миру с Новымгородом» [5]. Иван Калита умер, а конфликт с Новгородом остался неразрешенным. Таким образом, его преемникам приходилось действовать в жестких внешнеполитических условиях, которые складывались неблагоприятно для Московского княжества как в Северо-Восточной Руси, так и за ее пределами. Узел московско-новгородских противоречий, затянутый Иваном Калитой, пришлось распутывать его старшему сыну Семену. Семен Иванович, вернувшись из Орды победителем [6], немедленно приступил к поискам вариантов разрешения новгородского кризиса.

Троицкая летопись, являющаяся во многом исходным памятником московского летописания, содержит ряд весьма интересных положений относительно московско-новгородского конфликта, который произошел в конце 1340 г. «Тое же зимы бысть съездъ великъ на Москве всемъ княземъ русскимъ, и поиде ратью къ Торжьку и взя на нихъ черныи боръ князь великий Семень, а съ нимъ братъ его князь Иванъ Ивановичъ, князь Костянтинъ Суждальский, князь Костянтинъ Ростовский, князь Василей Ярославский, и вси князи съ ними, и пресвященный Феогность, митрополитъ всеа Руси, съ ними же» [7].

Данное летописное известие показывает, что поход объединенных «низовских» ратей под руководством великого князя Семена Ивановича на Торжок был значительным событием в истории московско-новгородских взаимоотношений указанного периода. Во-первых, по инициативе великого московского князя Семена состоялся «съездъ великъ на Москве всемъ княземъ русскимъ». Разумеется, что на этом съезде проходило обсуждение новгородского кризиса и путей его разрешения. Во-вторых, в походе на Торжок принял участие митрополит Феогност, который, по-видимому, был не менее светских правителей заинтересован в скорейшем урегулировании кризиса. Тем не менее, данное летописное известие не упоминает новгородцев, которые принимали в этом конфликте самое активное участие. Еще один момент, на который хотелось бы обратить внимание, состоит в том, что главной целью похода Троицкая летопись называет «черный бор». Аналогичным образом описывает события конца 1340 г. и Рогожский летописец, возникший в середине XV в. и имеющий своими источниками тверскую обработку свода 1408 г. и тверской свод второй половины XIV в. [8].

Для создания более объективной картины тех событий потребуется привлечение собственно новгородского летописания. Наиболее детально события конца 1340 г. изложены в Комиссионном списке Новгородской первой летописи младшего извода. Согласно НПЛ, конфликт можно разделить на три стадии: нарастание, пик и спад. Мы уже отмечали, что новгородский кризис требовал от Семена Ивановича и его окружения скорейших мер. Это объясняется тем, что в Новгороде уже почти год отсутствовали представители великокняжеской администрации, а новгородцы не знали о соотношении сил в «низовских» землях в связи со смертью Ивана Калиты. Естественно, что подобная ситуация создавала крайнюю напряженность в новгородском обществе, вплоть до появления альтернативы московской великокняжеской власти. Думается, что носителей подобных идей в Новгороде тогда было предостаточно.

Семен Иванович, надо полагать, был хорошо осведомлен о настроениях, которые царили тогда в различных слоях новгородского общества. Тем не менее, он не хотел сразу браться за меч, а проявил себя дипломатом, дав новгородцам отсрочку, которая позволила бы им трезво оценить обстановку. Для начала он ограничился направлением в Новгород своих наместников и сборщиков дани в Торжок, т. к. пришло время выплаты «черного бора» [9]. Как сообщает НПЛ, «в то же лето (1340 г. — А. С.) прииде князь Семеон из Орды и насла на Торжокъ дани брати, и почаша силно деяти» [10]. В действиях Семена Ивановича не было ничего противозаконного, т. к. он, как великий князь владимирский, обязан был ввести в Новгород представителей своей администрации и вовремя собрать для Орды выход. Однако жители Торжка и новгородцы не только не собирались выплачивать выход, но и вообще отказались признать Семена Ивановича как великого князя. Их ответом был арест наместников великого князя и сборщиков дани: «Новоторжьци же прислаша с поклономъ в Новьгород; и послаша Матфея Валфромеевича, и Терентия Даниловича с братомъ, и Валфромея посадница сына Остафьева, и Федора Аврамова с полкы; и ехавши, изгониша Торжокъ безъ весте, и изимаша наместьниковъ Михаила князя Давыдовица, Ивана Рыбкина сына, и борцовъ, Бориса Сменова сына, и жены их и дети, и сковаша я. И седеша месяц в Торжьку, город утвердивше, а ко князю послаша преже того Кузьму Твердиславля из Новагорода с жалобами: «еще не сед у насъ на княжени, а уже бояре твои деют силно»» [11]. Подобное поведение новгородцев стало поводом для начала военных действий. Жители Торжка и прибывшее новгородское ополчение укрепили город, предвидя длительную осаду, и «посылаху в Новьгород ис Торжьку, что быша новгородци всели на коня в Торжокъ» [12].

Сильнейшим козырем в руках московского правителя была поддержка ордынского хана. Новгородцы, по-видимому, забыли, что Семен Иванович, как формальный руководитель сообщества княжеств Северо-Восточной Руси, мог в любой момент появиться под их стенами не только во главе объединенных «низовских» ратей, но и в сопровождении ордынских темников, как это делал в прошлом его отец Иван Калита. Великий князь, однако, уклонился от использования татарской военной «помощи», а ограничился созывом общерусского княжеского съезда в Москве. На этом съезде проходило обсуждение новгородского кризиса и путей его разрешения. В конечном итоге, было выработано решение о совместном походе против Новгорода, т. к. время дипломатии уже прошло. В походе принял активное участие и глава русской церкви митрополит Феогност. Интересы светских властей в этом походе переплетались с интересами высших духовных иерархов. В. Л. Янин был прав, констатируя мотивацию других русских князей, принявших участие в походе на Торжок, которая сводилась к тому, что в случае новгородского успеха, они вынуждены были бы разверстать по себе и долю Новгорода в выплате «выхода» [13]. Однако новгородцы не только отказались выплачивать «черный бор», но

и признавать власть Семена Ивановича, действуя вопреки ханской воле. Озабоченность митрополита Феогноста, который, разумеется, был заинтересован в сохранении целостности своей митрополии, также свидетельствует об экстраординарности мероприятия. Вполне вероятно, что в Новгороде тогда созрела идея об альтернативе московской великокняжеской власти.

В 30-е годы XIV в. на северо-западных границах Руси активизируется Литва. Активизация восточной политики Великого княжества Литовского при Гедимине объясняется во многом сознательным стремлением центров Северо-Западной Руси заручиться поддержкой этого государства как во время конфликтов между собой, так и с великими князьями владимирскими. Нам известно, что опальный тверской князь Александр Михайлович еще в 1329 г. бежал в Литву от преследования Ивана Калиты [14], а с 1331 г. княжил во Пскове как союзник Гедимины [15]. Известно и то, что в начале 30-х гг. псковичи хотели создать свою епископскую кафедру при помощи Гедимины, которая была бы независимой как от новгородского владыки, так и от митрополита, что встретило крайне негативную реакцию со стороны высших церковных иерархов [16]. В 30-е гг. склонность к союзу с Литвой проявляли и новгородцы [17]. Нетрудно догадаться, что ни Семен Иванович, ни митрополит Феогност, не желали терять своих подданных.

Новгородцы готовились к длительной осаде, а Семен Иванович шел походом на Новгород «со всею землею Низовьскою». Тем не менее, война между ними не вспыхнула, поскольку в Новгороде войны «не восхотеша чернь» [18]. Поведение черных людей в Новгороде сразу же вызвало аналогичные выступления в Торжке: «Посем же видевшя новоторжци, даждь не прибудет из Новаграда рати, въсташа чернь на боярь, а ркуще: «почто есте новгородцовъ призвали, и они князи изимале; намъ в томъ погинути». И съкрутившеса въ брони, нашедши силою на дворы, выимаша у воевод наместьники княжи и борци и жены их, и новгородцовъ выпровадиша из города; а бояре новоторьскыи прибежаша в Новъгород толко душею, кто успел; а дома их разграбиша и хоромы розвозиша, а Смена Внучка убиша на веце, потомъ и села их пуста положиша» [19].

Выступления черных людей и присутствие войск великого князя в Торжке [20] отрезвили новгородцев. С инициативой мирных переговоров выступила делегация новгородских бояр во главе с владыкой Василием и тысяцким Авраамом: «Ко князю послаша владыку и Авраама тысячкого съ иными бояры» [21]. По-видимому, с приходом «всей земли Низовьской», новгородцы вновь почувствовали грозное дыхание Орды и решили подстраховаться: «почаша копити волость всю в город» [22]. Но переговоры прошли успешно, враждующие стороны нашли компромисс и заключили мир: «Доконцаша миръ по старымъ грамотамъ, на всеи воли новгородчкои, и крестъ целоваша; а князю даша боръ по волости, а на новоторжцех 1000 рублевъ; бяше же ту и митрополит; и присла князь наместьникъ в Новъгород» [23]. Следующий московско-новгородский конфликт случился только через 12 лет [24].

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Иван Калита умер, как сообщают источники, 31 марта 1340 г. См.: Приселков М. Д. Троицкая летопись. Реконструкция текста. М.; Л., 1950 (далее — Троицкая летопись). С. 364; Полное собрание русских летописей (далее — ПСРЛ). М., 1965. Т. 15. Вып. 1. Стб. 52-53.
2. Борисов Н. С. Русская церковь в политической борьбе в XIV-XV вв. М., 1986. С. 64-65; Кучкин В. А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 143-144, 217-219; Клюг Э. Княжество Тверское (1247-1485 гг.). Тверь, 1994. С. 160-161.
3. После смерти Ивана Калиты «пошелъ въ Орду князь Семень Ивановичь, а съ нимъ братья его князь Иванъ и Андреи, и вси князи тогды въ Орде были». См.: ПСРЛ. Т.

15. Вып. 1. Стб. 53; Троицкая летопись. С. 364. На фоне такой летописной ремарки невозможно не говорить об обострении политической ситуации в Северо-Восточной Руси.
4. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л., 1950 (далее — НПЛ). С. 350.
5. Там же. С. 350-351.
6. См.: ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 53; Троицкая летопись. С. 364.
7. Троицкая летопись. С. 364-365.
8. ПСРЛ. Т. 15. Вып. 1. Стб. 53-54.
9. Янин В. Л. О «черном боре» в Новгороде в XIV-XV вв. // Куликовская битва в истории и культуре нашей Родины. М., 1983. С. 98-107.
10. НПЛ. С. 352.
11. Там же.
12. Там же. С. 352-353.
13. Янин В. Л. Указ. соч. С. 102.
14. В 1329 г. «князь Александръ, сложа крестное целование, отъиде в Литву (из Пскова — А. С.), а княгиню свою ту оставивъ». См.: Псковские летописи. М., 1955. Вып. 2. С. 23, 92.
15. «Плесковици изменили крестъное целование к Новуграду, посадили себе князя Александра из литовъския руки». См.: НПЛ. С. 343.
16. Там же. С. 343-344.
17. Там же. С. 345-346.
18. Там же. С. 353.
19. Там же.
20. Там же.
21. Там же.
22. Там же.
23. Там же.
24. НПЛ. С. 363.

*Виктор Иванович КОСТЕНКО —
доцент Омского государственного
университета им. Ф. М. Достоевского,
кандидат юридических наук, доцент*

УДК 331.8

ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ СТАНОВЛЕНИЯ РОССИЙСКОЙ ПОЛИТИЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЫ

АННОТАЦИЯ. Статья посвящена анализу социально-культурных и политико-правовых предпосылок политической культуры на различных этапах развития российского общества. Эти предпосылки рассматриваются в рамках системного анализа, их взаимодействия и взаимосвязи.

The author analyses social, cultural and legal and political prerequisites of political culture at various stages of the Russian society development. These prerequisites, their interaction and interference. are considered within the limits of the consecutive analysis.

Больше десяти лет в России конструируется демократическая политическая система, но по содержательным характеристикам ее функционирование во многом не соответствует реалиям современной демократии, на которую ориентируется российская политическая система. Трудности становления демократии в России на всех ее уровнях: структурном и функциональном, федеральном и региональном, гражданского общества и личности — обусловлены отсутствием политической культуры демократического типа. На это противоречие обращали